

Научная статья

УДК 343

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-2-94-100

О МЕРАХ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ И АНТИТЕРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЯХ

Елена Анатольевна Пащенко¹, Олег Алексеевич Жидков²,
Даниил Андреевич Колганов³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Елена Анатольевна Пащенко, pashenkoea@mail.ru

Аннотация. В статье представлено обоснование необходимости пересмотра мер антиэкстремистской и антитеррористической направленности в условиях изменяющейся политической ситуации. Авторами проанализирована активность законодателя в составах преступлений экстремистской и террористической направленности. Предложен анализ способов экстремистской и террористической преступности и с учетом трансформации средств совершения данных посягательств, рекомендованы методы предупреждения экстремизма и терроризма с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: экстремистские угрозы, экстремистская идеология, терроризм, цифровые технологии, предупреждение экстремистской деятельности, меры предупреждения терроризма, способы вовлечения в совершение преступлений

Для цитирования: Пащенко Е. А., Жидков О. А., Колганов Д. А. О мерах антиэкстремистской и антитеррористической безопасности в новых политических и социальных реалиях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 94–100. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-94-100>

Problems of Criminal Law and Procedure

Original article

ON ANTI-EXTREMIST AND ANTI-TERRORIST SECURITY MEASURES IN THE NEW POLITICAL AND SOCIAL REALITIES

Elena A. Pashchenko¹, Oleg A. Zhidkov², Daniil A. Kolganov³

^{1,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Elena A. Pashchenko, pashenkoea@mail.ru

Abstract. The article presents the justification for the need to revise anti-extremist and anti-terrorist measures in the context of a changing political situation. The authors analyzed the activity of the legislator in the composition of crimes of extremist and terrorist orientation. An analysis of the methods of extremist and terrorist crime is proposed, and taking into account the transformation of the means of committing these attacks, methods for preventing extremism and terrorism using digital technologies are recommended.

Keywords: extremist threats, extremist ideology, terrorism, digital technologies, prevention of extremist activities, measures to prevent terrorism, methods of involvement in crimes

For citation: Pashchenko E. A., Zhidkov O. A., Kolganov D. A. On anti-extremist and anti-terrorist security measures in the new political and social realities. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):94–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-94-100>

Научность подхода в противодействии террористическим угрозам требует прежде всего понимания детерминантного комплекса террористической активности и знания средств, методов и способов совершения преступлений. Регулярное обновление профилактических мер, их актуализация и приспособление под меняющиеся средства и способы совершения преступлений стало сегодняшней потребностью. Проф. А. И. Долгова обоснованно утверждает: «... трудно себе представить эффективную, даже хотя бы в небольшой степени, борьбу с преступностью при отсутствии или игнорировании научных знаний» [1, с. 17].

Экстремизм и терроризм как опаснейшие проблемы XXI в. прочно вошли в предмет научных, методических, криминологических мероприятий. Необходимость опираться в криминологических исследованиях на статистические данные никто не умоляет. Однако, в противодействии экстремизму и терроризму не обращать внимание на государственную политику криминализации/декриминализации этих преступлений нельзя. А именно она влияет на действительное отражение в статистических данных состояния уровня преступности. Современное состояние экстремистских и террористических угроз находится в балансе: преступления террористической и экстремистской направленности, по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹, имеют тенденцию к снижению.

Сегодня предлагаем к обсуждению вопросы противодействия преступлениям экстремистской и террористической направленности через призму оценки способов совершения этих преступлений в условиях реального времени и в измененных условиях использования цифровых технологий. И, безусловно, нельзя не оценить уголовно-правовые решения, которые принимает законодатель на фоне растущих террористических угроз в современных геополитических условиях.

Законодатель различными направлениями реализует уголовно-правовое противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности. По части преступлений террористической направленности законодательная активность не раз вызвала вопросы и недоумение. В своем анализе современной российской уголовной политики проф. Коробеев А.И. совершенно обоснованно вводит неологизм «нормы-рекордсмены», к каковым относит ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая подвергалась корректировке 13 раз [2, с. 241].

Попытки законодателя уголовно-правовыми запретами выстроить барьер террористической преступности привели к формированию пула составов преступлений, объединивших разные формы причастности и прикосновенности к терроризму. По словам Н. Г. Иванова, уголовное законодательство, нацеленное на борьбу с преступностью (как склонны выражаться российские политики), подверглось новеллизационной атаке. Этот же автор говорит о том, что: терроризм и экстремизм – это особый бренд, который можно назвать брендом «с превосходной степенью», в связи с чем закон, уголовный закон, в частности, новеллизируется постоянно. [3, с. 36]. Не согласиться невозможно, а в результате мы видим зачастую непродуманные, научно невыверенные юридические конструкции, которые заставляют иронизировать теоретиков права и ломать головы и копья правоприменителей.

О таких изменениях, как введенная в уголовный закон ст. 205.1 УК РФ², критично высказались мэтры права на восходе ее криминализации. В первоначальном виде она называлась «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное оказание содействия их совершению». Казалось бы, речь идет о специальном виде подстрекательства. Однако наряду с подстрекательскими действиями (вовлечение в совершение преступлений террористического характера, склонение к участию в деятельности террористической организации) закон предусматривал и действия пособников (вооружение либо обучение лица в целях совершения упомянутых преступлений, финансирование терроризма либо террористической деятельности). По-видимому, считая содействие родовым понятием по отношению к подстрекательству и пособничеству, законодатель изменил название статьи, озаглавив ее «Содействие террористической деятельности» [4, с. 163].

В юридической литературе появление ст. 205.1 УК РФ было встречено с явным неодобрением [5, с. 288.]. По мнению С. М. Кочои, «сам принцип дополнения УК статьями, подобными ст. 205.1, порочен. Сегодня самостоятельной нормой Особенной части УК является содействие совершению терроризма, завтра таковым признают вовлечение в государственную измену, послезавтра – организацию убийства и т.д.» [6, с. 79].

Находящееся в абсолютном противоречии с институтом соучастия в Общей части уголовного закона, обновленное понятие пособничества в ст. 205.1 УК РФ лишило применителя

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Электронный доступ: http://crimestat.ru/offenses_chart

² Уголовный кодекс РФ, ст. 205.1 Содействие террористической деятельности в ред. Федерального закона от 27.07. 2006 №153-ФЗ.

возможности его эксплуатации в рамках института соучастия. Но это не только теоретическая правовая оценка, это правоприменительный тупик для каждого конкретного уголовного дела.

Состояние уголовно-правовых запретов террористической направленности характеризуется не только административно-правовой безальтернативностью, что абсолютно верно, но и предусмотренной законодателем ответственностью за любую форму физической или интеллектуальной причастности к террористической деятельности. Законом установлены запреты, имеющие толкование, выходящие за пределы прямого лексического смысла. Если по своей предупредительной направленности, например, часть 4 ст. 205.1 УК РФ¹ включает организацию совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, или руководство его совершением, а равно организацию финансирования терроризма, она не вызывает сомнений, то терминологическое наполнение наталкивает на размышления. Вряд ли обывательское восприятие финансирования состоит из «сбора средств»². Словарь Ожегова разъясняет под сбором действие, включающее взимание или собранные на что-нибудь или за что-нибудь деньги [7, с. 644], а не запланировано к получению.

Но даже сказанное не позволяет авторам размышлять об избыточности правовых запретов террористической направленности. Остановимся только на несогласии с конструктивными решениями, принятыми законодателем, и на указании на нарушение требований к качеству уголовного закона, которое сейчас с развитием правового мышления должно повышаться. Ситуация выглядит обратной.

Говорить об эффективном предупреждении преступности можно тогда, когда у нас есть понимание, какие причины эту преступность порождают, и какими средствами будут пользоваться преступники. В этом случае сегодняшняя политическая ситуация пошла нам на пользу, мы можем четко прогнозировать виды преступного поведения и способы совершения преступлений. Начатая специальная военная операция³ сразу выявила характер актуальных угроз и возможные способы их реализации. Потребность в информационном противодействии физическому способу поддержки Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики заставила многих представителей общественной, культурной, отраслевой богемы вести цифровые информационные атаки. И здесь появилось четкое понимание, что это поведение «ложится» на признаки составов уголовно-наказуемых деяний экстремистской и террористической направленности. Дело осталось за малым – найти эффективные и действенные, а главное, актуальные способы противостоять этим высокохудожественным провокациям.

В преступлениях экстремистской направленности криминализационные качели долгое время имели возвратно-поступательную амплитуду. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности⁴ – ст. 280 УК РФ менялась шесть раз. «Базовый» экстремистский состав – статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в редакции Федерального закона от 27.12.2018 № 519-ФЗ обросла административной преюдицией и стала уголовно-нейтральной, исключив все последствия для лиц, ранее не привлекавшихся к административной ответственности.

Какой ответный шаг последовал от законодателя в свете политических событий? Общество получило новые уголовно-правовые запреты: Статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации; Статья 280.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.)

² Примечание 1 к ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

³ Федеральный закон от 26.03.2022 N 69-ФЗ "О внесении изменения в Федеральный закон "О ветеранах" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.03.2022, "Российская газета", N 65, 28.03.2022, "Собрание законодательства РФ", 28.03.2022, N 13, ст. 1958.

⁴ Статья 280. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022)

граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственных органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях; Статья 284.2. Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц¹.

Будет ли этих норм достаточно и под каким углом смотрит на них научное сообщество? Сразу следует оговориться, научное сообщество осознает избыточность уголовно-правовых запретов и критически оценивает попытки ввести специальные нормы, наряду с имеющимися общими запретами. Так же постоянным сомнением подпитывается достаточная общественная опасность вновь криминализованных деяний. Но такая позиция касается любых угроз, за исключением угроз террористической направленности.

В отношении ст. 207.2 УК РФ, которая появилась в законе 01 апреля 2020 г., Н.Г. Иванов задал вопрос: «соответствует ли защищаемая ст. 207.2 УК РФ ценность той, которая требует именно уголовно-правовых, а не иного рода репрессий» [3, с. 36]?

Для возможности продуктивного обсуждения способов противодействия экстремизму и терроризму необходимо глубокое понимание причинного комплекса этих негативных социальных явлений. У терроризма и экстремизма разные детерминанты. Экстремизм всегда соотносился с идеологией на фоне политической и экономической неустроенности, религиозным и национальным разнообразием, ментальным непониманием и культуральных отличиях.

Основа или база экстремистской идеологии может появиться в политическом, экономическом, социальном и религиозном недовольстве, непонимании, противоречии. Также и виды экстремизма могут иметь разные способы проявления в зависимости от источника идеологического противоречия.

Социальный экстремизм может содержать в себе признаки молодежного экстремизма, субкультурного, спортивного экстремизма. Например, комплектация групп молодежных экстремистов происходит через вовлечение в неформальные молодежные субкультуры. Политический экстремизм, напротив, привлекает участников через неконструктивную критику политических и экономических процессов государственного управления – безработицу, имущественное неравенство, подавление свободы слова и др.

В настоящее время экстремистская и террористическая сферы характеризуются максимально широким использованием цифровых технологий. С периода начала пандемии, закрытия границ международного сообщения и перевода социальной коммуникации в интернет-пространство способы вовлечения в экстремистский и террористический лагерь «замкнулись» на сетевых технологиях. В дальнейшем эта ситуация усугубилась специальной военной операцией, которая не оставила преступникам возможности для непосредственных личных контактов. Избираемые преступниками формы общения, методы воздействия на индивидуальное или коллективное сознание подчиняются новым условиям. Период начала специальной военной операции на территории Украины трансформировал используемые интернет-технологии в сторону предпочтения социальных и политических мотивов при вовлечении в террористические и экстремистские преступления.

Изначальное намерение террористов состояло в максимальном распространении информации о совершенном деянии, порождении паники в обществе и страха перед следующими атаками. Криминологами отмечено, последствием каждого террористического акта на общественном транспорте в последующие дни становилось резкое снижение пассажиропотока на этом виде перевозок.

Устрашение населения, вызов опасений за безопасность собственной жизни и безопасность близких людей – это цель террористического акта. Сегодня терроризм без широкой огласки, без открытого предъявления требований не существует. Терроризм сегодня – это форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие [8, с. 36].

С учетом постоянства целей террористов, совершаемого вызова, следует оценивать региональные особенности профилактики преступности. Необходим учет социальных,

¹ Федеральный закон от 04.03.2022 N 32-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

экономических, культурных особенностей, присущих локации, для понимания способов, используемых преступниками при совершении всех видов террористических деяний. Южный регион длительное время отличало самоустранение молодежи от политических процессов. Вероятнее всего, те примеры террористических актов и, в целом, террористической активности на территориях республик Северного Кавказа (г. Беслан 2004 г., г. Назрань 2004 г. и 2009 г., г. Нальчик 2005 г.) сформировало у местного населения стойкое опасение за политическое здоровье молодежи. Социальный контроль существенно повысился и интернет-коммуникации были сведены к минимуму, но такая ситуация в условиях глобального покрытия сетевыми технологиями не могла сохраняться долго.

Ученые констатировали с 1980-1990-х гг. появление на Северном Кавказе экстремистских течений, в частности ваххабизма, что способствовало формированию у населения русских районов исламофобии и ограничению взаимодействия органов государственной власти русских районов с лояльными мусульманскими общинами.

После 2014 г. влияние экстремистских и террористических формирований и вовлечение молодежи в ряды преступных групп увеличилось.

В период с 2014 г., а далее в период пандемии, произошло повсеместное проникновение информационных технологий во все сферы жизни. В дальнейшем, в связи со снижением мер изоляции регулярное использование комбинированных форматов онлайн и офлайн-взаимодействия во всех сферах создало новые угрозы осуществления экстремистской деятельности через полученные в информационном пространстве знания.

Экстремизм проник в реальный мир, угрожая абсолютно конкретным системам жизнеобеспечения, инфраструктуре, социальной, политической, экономической сферам. Интернет-пространство используется как средство достижения определенных целей максимального распространения информации.

Отдельно следует сказать о провокационной деятельности. Провокации в экстремистских и террористических преступлениях являются одними из наиболее мощных угроз. Преступления же террористической направленности не только резервируют за собой право на насилие, но и реализуют его. В преступлениях экстремистской направленности через информационные технологии осуществляется огромный ресурс на завуалированные манипуляции. В преступлениях террористической направленности эти манипуляции являются более прозрачными.

Противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде, по мнению авторов, возможно разрешить организационно достаточно простым, но технологически и финансово затратным способом. Но такой способ будет иметь результативность и эффективность, а, следовательно, сработает как метод криминологического противодействия. Этим способом является распространение в СМИ, социальных сетях и на различных информационных ресурсах сведений о культурных, научных достижениях и победах лиц и групп, подвергающихся в сети интернет оскорблениям и унижениям. Через знания истории и культуры, через понимание исторического вклада в развитие искусства, литературы, живописи, науки, государственной стратегии мы придем к признанию за представителями различных групп их вклада и значения.

Толерантность не вырастает сама по себе и не может быть привита искусственно, ее необходимо выращивать и развивать. И развитие таковой возможно через познание достижений, через уверенность в значимости вкладов и вложений в мировые признанные достижения представителями всех социальных, религиозных, расовых и иных групп.

Некорректная подача информации о совершенных террористических актах, особенно если эта подача осуществляется без учета религиозных, бытовых, традиционных обычаев и норм, порождает за собой генерирование идей последователями и подражателями. Непринятие во внимание региональных и культурных особенностей является безответственной и ошибочной политикой в распространении информации о террористических актах. Преступления же экстремистской направленности, если экстремистами они выдаются за положения и за позиции изъязвления свободной воли, также влекут за собой выстраивание «шеренги последователей».

Определяя профилактику экстремизма и терроризма как приоритетное направление государственной политики предупреждения преступности, необходимо использовать тот прогресс, который коснулся способов совершения преступлений. Да, общепризнанным является государственное уголовно-правовое реагирование на преступления как реакцию на уже выработанные способы совершения преступлений, но в предупреждении экстремизму и терроризму, которые совершаются с применением цифровых технологий, мы вправе думать, что такое противодействие возможно при использовании тех же инструментов, которыми пользуются преступники.

Выбранный законодателем путь всеобщей криминализации не дает ожидаемого профилактического эффекта, следовательно, необходимы иные превентивные меры. Поскольку инструментом совершения преступлений экстремистской и террористической направленности сейчас является сеть интернет, то способом противодействия будет являться расширение в ней активного профилактического присутствия. В сети должны быть представлены разъяснения следующего рода: сопоставление и разграничение свободной воли на изложение своего мнения не должно противоречить уголовно-правовым запретам, тем более что сегодняшняя государственная уголовно-правовая политика противодействия преступлениям экстремистской и террористической направленности определена как разделение криминализационных потоков. Минимизировано в уголовном законе присутствие экстремистских посягательств, и одновременно, любая форма причастности к преступлениям террористической направленности является уголовно-наказуемой без административной альтернативы.

В современных условиях задачи интернет-противодействия экстремизму не могут состоять в констатации вариантов административной или уголовной ответственности и даже в обзорах практических примеров привлечения к ответственности. Период специальной военной операции на территории Украины резко повысил потребность в социальной пропаганде и, при этом, сократил количество политически индифферентных граждан.

Необходимым является, и об этом свидетельствует современная социальная политика, проведение работы, ориентированной на популяризацию, признание, поддержку государственных решений. Решения Правительства России в СМИ и сети интернет должны быть объяснены обществу с позиции их безусловной целесообразности, как необходимые для исключения социального неприятия, для экономической и политической здравости.

Присутствует понимание, что вопросы противодействия экстремизму должны реализовываться с учетом психологических, физиологических особенностей аудитории, на которую ориентирована информационная пропаганда. В ключе рассмотрения частных вопросов противодействия следует обращать внимание на следующие конкретные рекомендации:

во-первых, на источник передачи информации, он должен соответствовать информационным предпочтениям, которые приоритетны для оппонентов;

во-вторых, на конкретный вид социальных сетей и социальных информационных площадок, на которых происходит распространение контента. Те площадки, которые пользовались популярностью среди молодежных групп еще несколько месяцев назад, в настоящее время перестают быть площадкой, объединяющей эти социумы. Такая история случилась с сервисом Тик-Ток;

в-третьих, следует ориентироваться на авторство и личность лица, через которого значимая в целях социальной государственной пропаганды информация транслируется потребителю. Поскольку продолжительность «сетевой жизни» блогера или стендапера составляет около полутора лет, то привлечение его к информационной положительной пропаганде, возложение на этот вид распространения информации долгосрочных ожиданий не оправдано. Продолжительная «эксплуатация» такого лица, как профилактическая мера не состоятельна.

Настоящее время не может ориентироваться на «долгоиграющие» способы профилактики преступлений экстремистской или террористической направленности. Сегодняшние способы должны действительно отражать актуальные вызовы экстремистов, учитывать и оценивать их финансовые, информационные, технологические возможности.

Предупреждая в сети интернет преступность террористического характера, следует доносить до всех тех, кому адресована террористическая пропаганда, а это в основном молодое население, мнение о том, что терроризм – это не про право на насилие над определенной категорией, терроризм – это про убийство за деньги, про эксплуатацию обычаев и отсутствие теоретической подготовки в толковании исторических событий, религиозных текстов, общественных процессов.

Профилактируя преступления террористической направленности, следует также акцентировать внимание на том, что человечество уже неоднократно справлялось с попытками столкнуть людей разных национальностей, религиозных и иных предпочтений между собой, но население само выбиралось из последствий попыток межнациональных конфликтов, которые поразились манипуляциями, в том числе используемыми в СМИ.

Список источников

1. Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью. Редакционная коллегия: А.И. Долгова, доктор юридических наук, профессор (отв. редактор), О. А. Астафьева, С. Д. Белоцерковский, Д. А. Соколов. М., 2011. 352 с.
2. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
3. Иванов Н. Г. Манихейские каноны российского уголовного права // Мировой судья. 2020. № 11. С. 35–40.
4. Рарог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155–178.
5. Борисов С. В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права: Материалы X Российского конгресса уголовного права. М., 2016.
6. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2005. 176 с.
7. Словарь русского языка и эквивалент С.И. Ожегов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 644 с.
8. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. 292 с.

References

1. *Optimization of scientific support and criminological culture of fighting crime*. Editorial Board: A.I. Dolgova, Doctor of Law, Professor (editor-in-chief), O.A. Astafieva, S.D. Belotserkovsky, D.A. Sokolov. Moscow; 2011. 352 p. (In Russ.)
2. Korobeev A. I. *Criminal law policy: from genesis to crisis*. Moscow: Yurlitinform; 2019. 352 p. (In Russ.)
3. Ivanov N. G. Manichaeen canons of Russian criminal law. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*. 2020;(11):35–40. (In Russ.)
4. Rarog A. I. Russian Criminal Code Against Terrorism. *Lex russica*. 2017;(4):155–178. (In Russ.)
5. Borisov S. V. To the question of the criminological basis of the offense in the form of complicity in the commission of a terrorist act. In: *Criminological foundations of criminal law: Materials of the X Russian Congress of Criminal Law*. Moscow; 2016. (In Russ.)
6. Kochoi S. M. *Terrorism and extremism: criminal law characteristics*. Moscow; 2005. 176 p. (In Russ.)
7. *Dictionary of the Russian language*. Compiled by S.I. Ozhegov. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1952. 644 p. (In Russ.)
8. Emelyanov V. P. Terrorism and crimes with signs of terrorization: a criminal law study. St. Petersburg; 2002. 292 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Пашченко – канд. юрид. наук, декан юридического факультета ЮРИУ РАНХиГС;

О. А. Жидков – студент факультета управления ЮФУ;

Д. А. Колганов – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. A. Pashchenko – Candidate of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

O. A. Zhidkov – Student of the Faculty of Management of the Southern Federal University;

D. A. Kolganov – Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 07.06.2022. The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 07.06.2022.